

INSPIRIA

Искусная ложь,
похожая на правду.

СКАЖИ

Дружба, похожая
на зависть.

ИМ, ЧТО

Расплата, похожая на кошмар...

СОЛГАЛА

18+

ЛОРА ЛЕФФЛЕР

INSPIRIA

Лора Леффлер
Скажи им, что солгала
Серия «Ток. Дом лжи.
Расследование семейных тайн»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73835858

Скажи им, что солгала / Лора Леффлер : Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-245261-1

Аннотация

Психологический триллер о разрушающей токсичной дружбе.

Идеально для читателей Лайзы Джуэлл и Клэр Дуглас.

Искусная ложь, похожая на правду.

Дружба, замешанная на зависти.

Расплата, ставшая кошмаром...

Анна и Уиллоу, студентки факультета искусств, живут в атмосфере богемных нью-йоркских вечеринок и галерей, где все говорит о статусе и успехе. Они молоды, перспективны, и им можно все. Неуверенная, но амбициозная Анна сильно отличается от яркой и непредсказуемой Уиллоу, чей талант блестит, как бриллиант, хоть и блеск этот холодный...

Анна искренне восхищается подругой, но постепенно этот союз становится для нее ловушкой: Уиллоу любит играть в игры, заставляя окружающих плясать под свою дудку. Юношеские

шалости переходят все мыслимые границы, и Анна начинает понимать, что подруга разрушает не только себя, но и ее. Утром 11 сентября 2001 года, когда Нью-Йорк сотрясает трагедия, Уиллоу не вернулась домой. Но катастрофа и исчезновение никак не связаны друг с другом, и всё говорит об убийстве. Неужели кто-то воспользовался шумихой, чтобы скрыть следы преступления? Уиллоу успела насолить многим, и теперь под подозрением все, даже ее лучшая подруга Анна...

«„Скажи им, что солгала“ заставит вас теряться в догадках до самого финала. Надеюсь, что у меня никогда не будет такой дружбы, как эта, но Лора Леффлер сделала чтение по-настоящему захватывающим». – *Лайза Джуэлл*, автор бестселлера «И тогда она исчезла»

«Лора Леффлер исследует темную сторону амбиций и зависти и их мощную связь с напряженной дружбой, и все это время ведет нас по сюжету, который изгибается так же искусно, как на картине». – *Нгуен Фан Кюэ Май*, автор бестселлера «Песнь гор»

«Я перевернула последнюю страницу этого романа, чувствуя себя так, словно вскрыла подбрюшье мира искусства... Будьте осторожны, поклонники Меган Эббот и Гиллиан Флинн, □ – Лора Леффлер приготовила для вас потрясающую историю!» – *Алка Джоши*, автор бестселлера «Художница из Джайпура»

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2. Четыре года назад	16
Глава 3. Вечер вторника	34
Глава 4. Четыре года назад	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лора Леффлер

Скажи им, что солгала

Laura Leffler

Tell Them You Lied

Copyright © 2025 by Laura Leffler. All rights reserved. This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Голыбина И., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Посвящается Джордану

*Искусство – это то, что может сойти вам с рук.
Энди Уорхол*

Часть 1

Глава 1

Повсюду царил твой вечный беспорядок. Рассыпанные кофейные зерна столпились на кухонной столешнице, словно полчища муравьев; в открытом пакете кисло молоко. Крошки от тостов, пустые пакетики сахарозаменителя, две грязные кружки возле раковины... Я взяла одну из них – подарок на выпускной от младшего брата – и повертела в руках. *Лучшая в мире сестра*. Помню, переезжая в Нью-Йорк три месяца назад, я так бережно ее упаковывала – в пупырчатую пленку и толстое одеяло. Теперь ободок был щербатый, а ручка вообще откололась. В том-то и проблема, правда же, Уиллоу? Тебе кажется, что все вокруг твое и ни о чем не стоит заботиться.

Я сжала кружку до того крепко, что она едва не треснула прямо в руке. Потом отпустила. Бросила в мусорное ведро вместе с молоком и прочим твоим хламом. Начисто протерла столешницу. Я больше не позволю тебе управлять мной, тем более в день, когда между нами все должно измениться.

В тысячный раз я представила: ты переходишь Десятую авеню по пути в галерею, солнечные зайчики скачут по пластине волос, полоска живота проглядывает между юбкой и топом. Мы давно привыкли к тому, что на нас пялятся, к выкрикам вслед, потным лицам, языкам, скользящим между раздвинутыми пальцами, хохоту из проезжающих машин. Это уже не имело для нас большого значения, и потому я знала: ты не почувствуешь опасности во взгляде очередного мужчины. В очередной паре похотливых глаз.

Но именно в них таится опасность, Уиллоу, потому что этот парень не просто смотрит, он ждет. И у него нож.

Я это знаю, потому что заплатила ему.

Раздался звонок. Я замерла с губкой в руке, потом шагнула к домофону.

– Кто там?

– Я.

Майло. Я представила его на крыльце: мятая футболка свисает с костлявых сутулых плеч, на ногах – забрызганные краской рабочие ботинки, в которых он всегда ходит. В отличие от тебя, я никогда не считала Майло привлекательным, но что-то в нем успокаивало меня, убаюкивало. Сейчас я почти почувствовала его пальцы на моей коже, и крошечные волоски на ней встали дыбом, а по спине побежали мурашки.

– Открывай, – сказал он.

Я нажала на кнопку, отпирающую дверь, подождала, пока

он вскарабкается по четырем лестничным пролетам к нашей квартире. Вот и он. Лицо перекошено. Футболка пропотела насквозь вокруг шеи. Внутри все похолодело, потому что я поняла. Поняла с первого взгляда. Что-то пошло не так.

– Есть от нее новости? – спросил он, широко расставив ноги.

Я оглянулась на красные циферки на микроволновке – 9:55. *Полчаса*, – подумала я. – *У нас еще тридцать пять минут*. Предположительно, по истечении этого времени ты позвонишь мне из полицейского участка, чтобы рассказать о парне с ножом, который затащил тебя на заброшенный склад и отобрал кошелек. Майло все знает. Это он нанял Тайлера и сказал ему, где и когда тебя ждать.

– Еще нет и десяти, – ответила я.

Майло уперся ладонью в дверь, пытаясь войти, но я преградила ему путь. Движение было инстинктивным; что-то глубоко в подсознании предупреждало: он несет с собой опасность, будто неразорвавшуюся гранату.

– Боже, Анна! – Он схватил меня обеими руками за плечи и повел внутрь. Мы словно танцевали, пока моя спина заново не уперлась в дверь. Он опустил руки и шагнул мимо меня.

– Телек включи.

Экран был размером с коробку из-под хлопьев, но я все равно увидела. Всемирный торговый центр горел, в обоих зданиях алели проплешины, вверх поднимался дым. Я выглянула в открытое окно на кухне. Ничего – только голубое

безоблачное небо.

Майло сделал звук громче. Дикторы новостей тараторили о Пентагоне, взрыве, возможно, бомбе и другом самолете. Белый дом эвакуировали, Капитолий тоже. Слова в бегущей строке внизу экрана казались нечитаемыми, словно руны.

– Этого не может быть, – сказала я. Я не могла проспать такое. Птицы не пели бы. Небо не сияло бы голубизной.

И тут башня на экране, словно подчиняясь жесту фокусника, обратилась в дым.

Все произошло как в замедленной съемке, но в то же время настолько быстро, что невероятность и чудовищный масштаб происходящего обрушились на меня, заглушив все звуки на свете, кроме одного – биения моего сердца. Обрушение прокручивали снова и снова, все медленнее; башня оседала, складываясь внутрь себя, как карточный дом. А ее место занимало черное облако.

Сколько людей сейчас погибло у меня на глазах?

Это было невозможно. *Невозможно.*

Та башня казалась вечной, как солнце.

Внезапно я поняла, что сижу на голом полу, зажав рот руками. Люди на экране бежали, в крови и пепле. Все они были настоящие, живые, просто шли на работу в обычный будний день, не задаваясь вопросами о том, что ждет их или здание, в которое они направлялись. Однако мои мысли занимал лишь один человек.

Ты.

Линия подземки проходила под тем районом, но стрелки на часах показывали десять. Ты уже должна была проехать Всемирный торговый центр, выйти из метро и торопиться к своему месту за гигантской стойкой на входе в галерею Рош. *К Тайлеру с его ножом.* В моей голове словно прокручивалась пленка: его лицо, прикрытое банданой, рука, зажимающая твой рот, кончик лезвия, упирающийся в твою шею. Сейчас это казалось нелепым и абсурдным. Падающее здание изменило все.

– Майло...

Он повернулся ко мне. Изумленные брови разлетались в стороны, как крылья встревоженной птицы. Миллионы вопросов вертелись в голове, но я не могла выговорить ни одного. Я прижимала к лицу кулаки, собственный голос казался мне чужим. Неузнаваемым.

– Что мы натворили?

Он моргнул. Поднял голову.

– Это террористы. Мы тут ни при чем.

На экране так и висело гигантское дымящееся черно-серое облако. Сохранись у меня способность размышлять логически, я поняла бы, что Майло прав: наш дурацкий маленький розыгрыш никак не мог вызвать подобного хаоса. Это было выше нас. Грандиознее. Но логика в то утро не работала, и катастрофа над мостом не казалась мне совпадением. Это был твой очередной фокус.

Абракадабра, подумала я. Пуф!

Майло схватил с зарядки и сунул мне в руки беспроводной телефон.

– Звони ей.

Я отшатнулась.

– Ты звони.

– Ты знаешь, со мной она не будет говорить. – Он потряс трубкой. – Ну же, Анна! *Пожалуйста.*

Я взяла ее и набрала номер твоего мобильного. Безжизненный голос оператора сообщил, что аппарат находится вне зоны действия сети. Это было неправильно. Так не могло быть. Я позвонила снова. Майло склонился надо мной, нетерпеливо покусывая большой палец. Тот же гулкий носовой голос в трубке. Вне зоны действия. Я откинулась назад, глядя на телефон так, будто он может ожить в моей руке. Я ничего не понимала. И продолжала звонить, опять и опять.

– Не работает, – сказала я. – Только какая-то дурацкая запись.

Люди в телевизоре говорили о ФАА¹, ПВО, рейсе 111². Столько слов, букв и цифр, что мой мозг не воспринимал их. Сердце проваливалось в желудок, ладони стали скользкими. Я вытерла руки о халат из дешевой синтетики, от которой

¹ Федеральное управление гражданской авиации США, отвечает за гражданскую авиацию в стране, в том числе разработку правил, инспекцию самолетов и управление воздушным движением. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Символ трагического события, подчеркивает масштаб трагедии; появился после авиакатастрофы рейса SR111 авиакомпании Swissair в 1998 году, унесшей жизни 229 человек, одного из самых серьезных событий в истории авиации.

они вспотели еще сильнее.

Майло выхватил трубку. Набрал, прислушался, нахмурил лоб.

– Какого черта *вообще* происходит?

Казалось, он на грани нервного срыва. Он переминался с ноги на ногу, кусая большой палец и таращась в телефон. Сомневался насчет меня и себя самого. Наш план был пустячком, шуткой, *подставой*. Мы хотели тебя припугнуть, нарушить твои планы, слегка отомстить за то дерьмо, в которое ты нас окунула. Майло думал, что страх сделает тебя более гибкой. Податливой. Ведь ему всегда этого хотелось. Но я-то знала: ты создана не из глины, а из стекла. Чтобы освободиться, мы должны разбить тебя вдребезги.

Майло швырнул телефон о стену. Я зажала уши: трубка, подпрыгнув на полу, раскололась надвое, батарейка повисла на тонких красных проводках. Майло стиснул голову руками; я почти ощущала, как его ногти впиваются в кожу. Почти чувствовала, как его пальцы тянут меня за волосы.

Опять новости. Пенсильвания. Угнанные самолеты. Дикторы называли имена, которых я никогда раньше не слышала. Все это звучало как сказка. Фантазия. Далекая и чужая... Я подумала о своей семье, дома, в Бексли. Наверняка они смотрят те же новости, собравшись вокруг телевизора в гостиной. Только что показывали «*Доброе утро, Америка*», а потом вдруг *такое*. Я представила маму, нервно складывающую выстиранное белье, и Генри, в слезах сжавшегося в

комков на диване.

Я схватила трубку, соединила разбитые части и вернула на место батарейку. Снова выпуск новостей. Все мосты и аэропорты в городе закрыты, метро не работает. Я поморгала, глядя на экран, перевела взгляд на стены вокруг с твоими фотографиями, моими картинами, рамками афиш с наших выставок. Все казалось таким мелким. А комната – тесной.

Мы попали в ловушку.

Ледяным негнушимся пальцем я ткнула кнопку телефона. Сигнала не было.

– Ты его сломал, – сказала я.

Майло провел пальцами по лицу, оттянув кожу так, что глаза едва не вывернулись наружу.

– Я не могу просто сидеть тут.

Я снова покосилась на телевизор, на дым и сирены. Прошла минута, может, две. И тут у меня внутри будто щелкнуло: *Это чрезвычайная ситуация. Обычные правила не действуют.* Я должна позвонить семье, услышать голос брата – вне зависимости от того, сколько стоит дурацкая минута разговора в дневное время. Я бросилась в спальню, схватила с тумбочки мобильный и набрала номер маленького желтого домика в Огайо. Вместо звонка телефон издал сердитый скрежет и отключился.

Я кинулась сообщить Майло. Поток слов прорвался еще до того, как я вбежала в гостиную:

– Мой мобильный тоже не работает, я не понимаю...

Гостиная ответила пустотой.

Майло в ней больше не было.

Тогда я еще не знала, Уиллоу, но и тебя тоже больше не было.

Глава 2. Четыре года назад

Когда они познакомились, стоял сентябрь – первая среда их первой недели в колледже. Еще тепло, чтобы парни прыгали с тарзанки в озеро Уобаш, а девчонки, одетые в бикини «Джей Крю» и одинаково загорелые, подбадривали их задорными возгласами с каменистого берега. В тот день первокурсница Анна Вон смиренно сидела за обшарпанным чертежным столом в противоположной части кампуса Университета Болвин – здании факультета искусств Хайсмит. Высокий табурет рядом с ней оставался свободным – вполне ожидаемо, – но это не имело значения. Анна аккуратно разложила на столе свой блокнот и заточенные карандаши, провела пальцем по узору, выцарапанному на столешнице, и выдохнула с облегчением оттого, что находится *здесь*, в этой студии. *Наконец-то.*

Свобода, обретенная с поступлением в колледж, пивные вечеринки и новые знакомства, мягкие зеленые газоны или старинные кирпичные корпуса общежитий казались ей пустяком. Главным был Хайсмит – уродливый обломок брутализма 1970-х на углу Эш и Эзбери, темное пятно на архитектуре кампуса в стиле неоготики. Она приехала сюда ради Хайсмита с его выдающимися профессорами и безжалост-

ными сессиями, о которых она столько читала и думала с тех самых пор, как преподаватель изобразительного искусства в старшей школе рассказал ей об этом месте. Хайсмит – единственная причина, по которой Анна выбрала этот, в остальном консервативный, колледж в глубинке Огайо. Первый шаг в ее плане стать художником – настоящим, выставленным в галереях, знаменитым во всем мире *Художником*.

Профессор Энтони Кейп вошел в кабинет, и по рядам студентов пробежал шепоток. Кейп был знаменитостью, слава о нем вышла далеко за пределы кампуса. Со своей галереей в Нью-Йорке, обзорами на «*Артфоруме*»³ и номинацией на первую премию Гуггенхайм – Хьюго Босс⁴, после которой пошли слухи, что он точно заберет и следующую. Профессор преподавал в Университете Болвин десять лет, и трое из его студентов уже стали известными художниками. Один, в двадцать шесть получивший степень магистра искусств, пару лет назад участвовал в биеннале Уитни⁵, и когда его спросили, кто оказал на него наибольшее влияние, ответил: «Тони Кейп – единственный и неповторимый».

Именно к этому и стремилась Анна: перейти из Болвина

³ Международное издание о современном искусстве.

⁴ Престижная награда в области современного искусства, вручаемая раз в два года Музеем и Фондом Соломона Гуггенхайма в сотрудничестве с немецким модным домом HUGO BOSS.

⁵ Выставка современного искусства США, проводится дважды в год в Нью-Йорке.

на лучшую магистерскую программу по живописи в США, в Йель, где топовые галеристы выискивали новые таланты, как «Голдман Сакс»⁶ ищет ценные кадры среди выпускников тамошнего МВА. Она могла туда попасть. Она была достаточно хороша и знала об этом. Нужен был лишь толчок. Рекомендация Энтони Кейпа.

Сейчас, оказавшись с ним в одной комнате, Анна находила Кейпа до странности непримечательным: приземистый мужчина средних лет, с седоватой бородкой, в рабочих ботинках и фартуке, перепачканном черной краской.

– Добро пожаловать в «Два Измерения», – начал Кейп, но внезапно его перебил хлопок железной двери за спиной.

Девушка, последняя из группы, ворвалась в кабинет подобно взрыву, громкому и неожиданному, в черной обрешеченной футболке, явно без лифчика, в болтающихся на бедрах линялых джинсах-клеваш, настолько широких, что Анна не видела ее обуви. Миниатюрная фигурка выделялась заметными округлостями; в пупке блестела сережка, в носу – еще одна. Длинные волосы казались спутанными, как у дикарки. Вопреки первоначально отталкивающему виду она была красива. Анна видела таких в модных журналах.

– Простите, – обратилась девушка к Кейпу, отбрасывая со лба лохматую каштановую прядь и улыбаясь. Она повернулась к классу – двенадцати студентам, которые отчаянно,

⁶ Голдман Сакс (Goldman Sachs) – инвестиционный банковский конгломерат со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

как и Анна, боролись за место здесь, отправив портфолио в приемную комиссию за год до поступления, выстояв на прошлой неделе бесконечную очередь на регистрацию и внося взнос за студию. Все, чтобы оказаться в этой самой группе, у этого самого профессора. Возбужденные и взволнованные, все замерли при виде новенькой.

– Простите, – повторила она, обращаясь на этот раз к классу. – Не могла найти корпус.

Кейп знаком показал ей садиться.

– Бывает.

Никто не шелохнулся, пока она шла через кабинет. Никто не заговорил. Девушка прошагала к свободному стулу рядом с Анной, оставив за собой шлейф сигаретного дыма и чего-то растительного: цветущей жимолости, свежескошенной травы... Устроившись между Анной и ее соседкой с пластмассовыми заколками-бабочками в волосах и уловив взгляд Анны, она улыбнулась.

Анна торопливо отвернулась и уставилась на доску. На секунду ей показалось, что профессор потерял дар речи от вида этой девушки.

Кейп поморгал, словно ему в глаза попал дым.

– У всех есть учебники?

Анна потянулась за книгой, лежавшей на столе. «*Зрительный опыт*». Большая часть издания, купленного у букиниста за двадцать один доллар, была уже пролистана. Она опустила ладонь на обложку, ожидая указаний.

– Закройте глаза, – велел Кейп.

Анна, сбитая с толку, огляделась по сторонам. Остальные, ни секунды не колеблясь, подчинились указаниям профессора.

Анна зажмурилась следом за всеми.

– Представьте себе *картину*, – провозгласил Кейп. – Любую. Какая первой приходит в голову.

Анна сразу же увидела, как разбрызгивает краску на натянутый холст. Пишет пейзаж в громадной, залитой солнцем студии. Серьезная, как О'Кифф⁷. Искусная, как Каналетто⁸.

– Что вы видите? – раздался голос Кейпа. Анна ощутила, как он прошел мимо нее в конец класса. – Учитывайте шесть основных критериев: текстуру, линии, форму, цвет, пространство и перспективу. Глядя на ваше произведение, постарайтесь оценить каждый.

Сквозь шелест вентиляторов раздался новый звук – шорох. Веки Анны дернулись. Ей хотелось открыть глаза, увидеть, что происходит, но она не осмеливалась. Щелчок, за ним тихий гул.

– Теперь, – сказал Кейп из-за ее спины, – открывайте.

Анна мигнула. Свет в студии был потушен, жалюзи опущены – они плавно покачивались от теплого ветерка. На дос-

⁷ Джорджия Тотто О'Кифф (Georgia Totto O'Keeffe) – американская художница конца XIX века; известна картинами небоскребов Нью-Йорка.

⁸ Джованни Антонио Каналь, известен как Каналетто (Canaletto) – итальянский живописец, отличительная черта – создание картин с натуры, без эскизов.

ке светилась проекция картины. Портрет женщины, искаженный, изуродованный: пальцы вцепились в рот, лицо расколото на части. Пикассо – Анна это знала, – тридцатые. Портрет одной из многочисленных муз художника.

– Что вы видите? – спросил студентов Кейп.

– Пикассо, – ответила Анна.

– Это понятно.

Вспыхнув, она схватилась за края табурета. Ей очень не нравилось ошибаться.

– Я хочу, чтобы вы вспомнили критерии, – продолжал Кейп. – Текстура, линия, форма, цвет, пространство, перспектива.

– Пространство.

Анна повернулась к говорившей – девушке с растрепанной шевелюрой. Ее лицо было спокойным, пальцы крутили карандаш.

– Все три измерения сразу, – продолжала девушка. – Лицо одновременно с нескольких углов.

– Очень хорошо. – Кейп нажал кнопку, и слайд сменился. Снова женский портрет, на этот раз Матисс. Женщина выглядела плоской и неестественной. Анна подумала, что она уродлива, цвета слишком яркие.

– А здесь?

– Цвет, – сказал кто-то.

Кейп снова переключил слайд. Леонардо да Винчи, «*Мона Лиза*». Но Анна уже поняла, что это не ответ. Модель не

имела значения – она была лишь средством для достижения цели. Кейп хотел, чтобы студенты разглядели, как художник изобразил ее лицо и фигуру.

Анна знала ответ. Она заставила себя открыть рот.

– Перспектива.

Кейп кивнул и снова щелкнул проектором.

В конце занятия Кейп поставил на стол круглый стеклянный аквариум.

– Итак, – сказал он, когда все собрались вокруг. – Возьмите каждый по две бумажки.

Студенты по очереди вытаскивали из стеклянного шара свернутые в трубочки полоски бумаги и читали про себя. Анна осторожно запустила руку в аквариум. Она понятия не имела, что там внутри, и неизвестность заставляла ее нервничать. Развернув первую бумажку, она увидела слово *гордыня*, написанное округлым почерком Кейпа. На втором – *зависть*.

– Семь смертных грехов? – догадался кто-то.

Кейп кивнул и объяснил задание: каждый студент должен создать работу, отражающую оба понятия, которые ему достались.

– Постарайтесь взглянуть на вещи шире, – сказал он под звуки застегивающихся молний и шелест бумаги. – Подумайте о Северном Ренессансе. Босхе⁹ и Брейгеле. Вспомни-

⁹ Иероним Босх, Питер Брейгель – известнейшие нидерландские художники

те Серрано и Мэпплторпе¹⁰, даже Малларме¹¹. Но в первую очередь я хочу, чтобы вы помнили критерии, которые мы обсуждали сегодня. Текстура, линия, форма, цвет, пространство, перспектива.

Анна посмотрела, как остальные, сбиваясь в группки по двое-трое, уходят в общежития или кафетерии – или куда там ходят первокурсники, – но осталась сидеть на стуле, записывая фамилии: Серрано, и Мэпплторп, и Малларме, – чтобы позднее найти их в энциклопедии. Предстояло запомнить целую кучу художников – особенно современных. Анна, сколько могла, училась сама, знала основные имена, но сегодня почувствовала, будто ловит рыбу голыми руками и та скользит сквозь пальцы. Когда она закончила писать, все уже ушли, даже профессор Кейп. Ей никуда не было нужно, никто ее не ждал. Девушка задержалась за столом, переписав каллиграфическим почерком шесть критериев и слова, которые ей достались, – *гордыня* и *зависть*. Попыталась сосредоточиться, чтобы перед глазами появился какой-нибудь образ. Что-то, что можно нарисовать.

Наконец она вышла из студии и медленно двинулась вниз по металлической лестнице, кончиками пальцев опираясь на шершавую белую стену. Она старалась не спотыкаться и производить поменьше шума, если такое было вообще воз-

эпохи Северного Ренессанса.

¹⁰ Андрес Серрано, Роберт Мэпплторп – скандально известные фотографы.

¹¹ Стефан Малларме – французский поэт, ставший вождем символизма.

можно. Все звуки в Хайсмите гремели и эхом отдавались в пространстве. Спустившись, Анна повернула ручку входной двери и тут же зажмурилась от туманного осеннего солнца. Вдоль Эш-стрит тянулась низкая кирпичная стена – остатки здания, снесенного в 1970-х, когда попечительский совет выделил средства на новый корпус факультета искусств, в стиле брутализма. Студенты использовали ее как скамейку, где можно поболтать, пожаловаться на критику, посплетничать, сделать набросок и затушить сигарету о буквы, выписанные в бетоне, – ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТУДИИ ХАЙСМИТ. 1974.

Сейчас на скамье примостилась девушка со стильной лохматой гривой, держа в одной руке сигарету, а в другой – связку ключей с китчевым брелоком в виде Эйфелевой башни. Анна шагнула вперед, зацепившись пяткой за стальную дверь. От толчка в спину она негромко вскрикнула.

Девушка не спеша перевела взгляд в сторону Анны и выпустила через плечо тонкую струйку дыма.

– Ты была в классе Кейпа, – констатировала она таким низким и ленивым голосом, будто ей было ужасно скучно.

– Ага. – Анна убрала длинные прямые волосы за уши. Волосы были предметом ее гордости – блестящие, чистые, ухоженные, – но вдруг собственная прическа показалась ей унылой и провинциальной.

Девушка протянула руку, и Анна впервые посмотрела в ее глаза – цвета голубого льда. «Сияющий синий», если выби-

рать из «Гэмблин»¹², смешанный с двумя частями белил.

– Я Уиллоу, – сказала девушка.

– Анна.

Они пожали друг другу руки. Кожа Уиллоу была мягкой – крайне нехарактерно для художников, которые постоянно соприкасаются с едкими жидкостями, режутся о канцелярские ножи и до мяса оттирают ладони хозяйственным мылом. *Кто она? Фотомодель?*

– С первого курса? – поинтересовалась Уиллоу.

Анна кивнула.

– И я. Ты откуда?

– Бексли. – Анна туманным движением указала себе за спину. – Рядом с Коламбусом.

– Ой, здорово! – воскликнул голос за спиной. Только тут Анна заметила заколки-бабочки.

– Хорошо учиться рядом с домом, да? – Вторая девушка тоже протянула руку. – Привет. Я Лиззи Стоун. И, прежде чем вы спросите, я из Луисвилля.

Анна повернулась обратно к Уиллоу.

– Ты тоже?

– Ну нет. – Уиллоу бросила сигарету на тротуар и поношенным ботинком, похожим на те, что были на профессоре Кейпе, втоптала окурок в асфальт. – Мы встречались в общежитии. Я из Чикаго.

¹² Гэмблин (Gamblin) – палитра масляных красок на алкидной основе, сохраняющих яркие свойства пигментов.

Городская. Вот в чем было дело – теперь все сходилось. Уиллоу источала уверенность и неброский гламур, которые у Анны ассоциировались с большими городами. Она никогда не была в Чикаго, но однажды, в шестнадцать лет, ездила в Нью-Йорк с художественным кружком. Та поездка открыла ей глаза: на стиль, на творчество, на бурлящую городскую жизнь. Ей всегда нравилось рисовать, но тогда, в первое посещение МоМА¹³, замерев перед шестнадцатифутовым полотном Хелен Франкенталер¹⁴ из цветных пятен, она осознала, что хочет большего, чем блокнот и почетная розетка из лент со школьной выставки. Хочет именно *этого*. Видеть свои работы *на этих стенах*. Стать Настоящим Художником.

– Тебе что досталось? – спросила Уиллоу и, когда Анна не ответила, уточнила: – Похоть, алчность, гордыня?

– О! – сообразила Анна. – Гордыня и зависть.

Уиллоу задрала одну бровь.

– Поменяемся? – предложила она. – Я очень хотела гордыню.

Анна стянула с плеча рюкзак и из внутреннего кармана достала бумажки, которые аккуратно туда убрала. Все было словно во сне. Она не знала, почему отдала бумажку Уиллоу

¹³ Мома (MoMA, ММОМА) – частое сокращение названия Музея современного искусства в Нью-Йорке.

¹⁴ Хелен Франкенталер – американская художница-абстракционист; в поздний период творчества создавала монументальные полотна без грунтовки.

– просто хотела помочь ее творческому замыслу.

Уиллоу вложила ей в руку свою.

Она опустила глаза.

Гнев.

До следующего занятия «Двух Измерений» оставалась неделя, и Анна, к собственному изумлению, все это время повсюду высматривала Уиллоу – в каждой аудитории и общежитии, столовой и туалете, на каждой лужайке и дорожке. В школе у нее не было друзей. Люди в Бексли почти *боялись* ее, стараясь держаться подальше от всей семьи Вон, словно болезнь Генри делала их заразными. Генри и его судороги, Генри и его симптомы, Генри и его визиты к врачу, Генри, Генри, Генри. Их маленький желтый домик был отгорожен от всего мира. Анна никогда не ночевала у подружек и не ходила на дни рождения. Не было ни командных спортивных игр, ни кружков после уроков, ни дискотек. Даже нянь и то не было. Ее родители все свое время посвящали Генри, и на других взрослых у них не оставалось сил. Никаких друзей семьи или вечеринок с соседями. Поэтому Анна не научилась заводить знакомства. Дома у нее были краски и кисти, альбомы по живописи, которые она приносила из библиотеки, – они и составляли ей компанию. В школе – уроки изобразительного искусства, где ее талант блистал и учителя восхищались ею. Многие годы Анне этого хватало. Казалось, большего она и не заслуживает.

Но Уиллоу будто что-то разбудила в ней. Анна носила с собой бумажки, которые получила от Кейпа, искала Уиллоу на других лекциях: введении в историю искусства, где встрети­лась с Лиззи, английской литературе, где с трудом про­диралась сквозь «*Беовульфа*», испанском, потому что ино­странный язык входил в обязательную программу, введении в геологию, потому что естественные науки студенты тоже изучали. Нигде она не могла толком сосредоточиться – даже на истории искусства, потому что они начали с наскальных рисунков в Ласко¹⁵, а Анна не интересовалась доисториче­скими временами. Она хотела знать, как создавать искусство *сейчас*.

Вместо этого она размышляла о студии и проекте со смертными грехами, о двух словах, лежавших в ее рюкзаке: *зависть* и *гнев*. С завистью трудностей не возникло: она испы­тывала зависть постоянно, к каждому художнику, упомя­нутому в учебниках. Но гнев? Она подумала было о Генри, но сразу отбросила эту мысль. *Нет*. Она не знала, что такое гнев.

Геология проходила с семи до десяти вчера по понедель­никам, и было уже темно, когда Анна вышла из естествен­но-научного корпуса. Она жила в кампусе всего одиннадцать

¹⁵ Наскальные рисунки Ласко – обнаружены во Франции в середине XX века; включают изображения людей и абстрактные символы разной формы; предполо­жительно относятся к 17 000–15 000 гг. до н. э.

дней и все еще училась ориентироваться среди его лужаек, библиотек и тропинок. Небольшой университет Болвин – всего на две тысячи студентов – занимал площадь больше семисот акров. Анне казалось, что вокруг всегда безлюдно, особенно по вечерам. Большую часть пути она держалась освещенных тротуаров, но едва за деревьями показалась крытая серой черепицей крыша ее общежития, припустила напрямик через Северный сквер.

На полдороге она заметила движение возле кустов.

Анна обернулась. *Ничего.*

Подгоняемая испугом, она прибавила ходу. Через пару шагов почувствовала, как что-то приближается сзади – похоже, за ней гнались. Она резко развернулась.

Перед глазами, как взрыв, вспыхнул свет.

Анна подняла руки и невольно охнула. Крепко зажмурилась, готовясь, что ее схватят за плечи, ожидая нападения, насилия, но ничего такого не последовало. Единственное, что она услышала, – смех. Жизнерадостный. Девичий.

Она открыла глаза.

Уиллоу.

Девушка, о которой Анна думала всю неделю, стояла прямо перед ней, словно Анна вызвала ее силой мысли. И улыбалась, держа на весу перед собой громоздкий Canon Rebel.

– Ты меня напугала, – сказала Анна.

– Прости. – Уиллоу надела крышку на объектив и повесила камеру на плечо. – Ты была такая красивая, когда шла

одна по дорожке, я просто обязана была тебя снять.

В груди у Анны разлилось тепло. Она опустила глаза на свои джинсы, грязные и мокрые от сырой травы, на свои уродливые сандалии и футболку не по размеру.

Красивая, подумала она. *Я красивая*.

Она знала, что одета плохо, но, возможно, это подходило ее новому окружению, новой подруге.

– Анна, верно? – сказала Уиллоу. – С «Двух Измерений» у Кейпа.

– Анна, да.

– Уиллоу, – напомнила та, будто Анна могла забыть.

– Ты фотограф?

Уиллоу хитро улыбнулась.

– Среди прочего.

Среди чего прочего? – хотелось ей спросить, но Анна себе не позволила. Нельзя было сломать доверие, зарождавшееся между ними. Но и отпускать Уиллоу просто так она не собиралась. Ей одновременно хотелось узнать о ней все и показать, что она тоже не промах.

– Что ты тут делаешь?

– Просто гуляю, – сказала Уиллоу. – Делаю фотки.

С верхнего угла здания на лицо Уиллоу упал луч света, и Анне вспомнился портрет Пикассо с занятий – лицо в осколках.

Уиллоу вытащила из заднего кармана джинсов серебряную фляжку, отвинтила крышечку, сделала глоток и протя-

нула Анне.

– На.

Анна прижала руки к бокам.

– Что это?

– Водка и немножко клюквенного сока.

Анна никогда не пила водку. Однажды, запершись в своей спальне, она попробовала пиво, но на вкус оно было горько-кислым, и, кое-как допив бутылку, она сразу свалилась спать.

Она покачала головой.

– Я не буду.

Уиллоу опустила фляжку.

– Задание уже сделала?

– Еще нет. – Анна пока не придумала, как изобразить гнев, и опасалась, что у нее ничего не выйдет. – А ты?

Снова эта полуулыбка.

– О да, давно уже.

Анна почувствовала неприятное посасывание под ложечкой и чуть не расхохоталась. А вот и зависть, очень кстати.

– Везет.

Уиллоу пожала плечами, сделала еще глоток из фляжки и затолкала ее обратно в карман. На ее лице появилось странное выражение. Она снова подняла камеру.

– Можно сделать еще фото? Ты такая худая, как Кейт Мосс. Типа, идеальная модель.

Анна так и раздулась от гордости.

– Конечно.

– Вот так, – сказала Уиллоу, снимая с плеча Анны рюкзак и опуская его на траву. Она взяла Анну за запястья и подвела к гигантскому старому дубу. – Встань здесь.

Уиллоу сделала шаг назад, поднеся камеру к лицу.

– А теперь иди на меня. Смотри в камеру. Прямо в объектив.

Анна пошла, ощущая удивительное спокойствие и улыбаясь Уиллоу за глазком камеры.

– погоди, – сказала та, опуская фотоаппарат. – Вернись назад. Теперь не улыбайся. Сделай непроницаемое лицо. Такое... *пустое*.

Анна сделала, как было велено. Зашагала по траве как робот. Машина. Или призрак. Она слышала быстрые щелчки фотоаппарата, но не реагировала на них.

– Йес! – вскрикнула Уиллоу, и, когда Анна практически наткнулась на нее, опустила камеру. – Должно получиться прекрасно. Я тебе покажу, как только проявлю пленку.

Анна постепенно приходила в себя. Она улыбнулась:

– Ладно.

Уиллоу надела крышку на объектив.

– Увидимся в классе, – сказала она и повернулась в противоположную от общежития Анны сторону.

Анна еще мгновение постояла молча, радуясь тому, что послужила искусству и ее назвали моделью, неожиданно возгордившаяся – до такой степени, что сама не верила себе.

– До скорого! – крикнула она, когда к ней наконец вернулся дар речи.

Глава 3. Вечер вторника

Я была одна, когда рухнула вторая башня. Ты не позвонила из полиции, как я рассчитывала, но к тому времени стало ясно, что ты и не смогла бы. Майло сломал наш домашний телефон, а мой сотовый не работал. Связь отключилась. Вышка в центре пострадала в результате теракта, кабели между Манхэттеном и Бруклином оборвались, а шквал звонков перегрузил еще работавшие линии, и вызовы не проходили.

Хотя от Всемирного торгового центра меня отделяло не меньше трех миль, запах катастрофы, пожара и озона уже просочился в Кэррол-Гарденс. Дверь в нашу квартиру была надежно заперта: как толстая железная плита, она отрезала меня от остального мира – но окно на кухне я держала открытым, боясь, что вот-вот придется спускаться по пожарной лестнице или, наоборот, баррикадироваться в спальне. В те первые часы война казалась неминуемой. Настоящая война, прямо *здесь*. Внезапно стало очень легко представить танки, ползущие по Бруклинскому мосту, солдат, стреляющих друг в друга на Пятой авеню, и бомбы, взрывающиеся на Бродвее. Пустые музеи, магазины и рестораны. Здания с открыток, рассыпавшиеся в пыль. Наше поколение знало

войны только по книгам или фотографиям из черно-белого прошлого. А нынешние шли так далеко, что не касались нас. Однако теперь война стояла у порога. *Наша очередь*, подумала я, вдруг осознав всю ее неотвратимость. *Ну, конечно*. Наше поколение не было гарантировано от катастроф, хотя почему-то думало так.

Я зашла в интернет, кусая губы от неповоротливости модема. Страницы загружались мучительно медленно, гораздо дольше обычного, словно преодолевая приливную волну. Когда мой почтовый ящик наконец открылся, я написала родным – сообщила, что со мной все в порядке, я в безопасности, но телефон не работает и позвонить я не могу. Минуту спустя пришло сообщение от отца, короткое и взволнованное: *«Мы смотрим новости, пытались дозвониться. Будь осторожна, Анна! Не выходи из дома! Мы не знаем, что происходит»*.

Короткий укол раздражения. Мои родители так и не поняли, почему я отказалась от мечты о магистратуре в Йеле, где *хотя бы есть шанс найти достойного мужа*. Не поняли, что искусство – религия Нью-Йорка. На всей земле только этот город отвечал нашим амбициям. Они не понимали Нью-Йорка и не понимали нас.

«ОК, – написала я в ответ. – Но я же в Бруклине. Со мной все хорошо».

Я выключила компьютер, по-прежнему обуреваемая тревогой. Мне *необходимо* было чем-то заняться. Чем угодно. Я

вытащила из-под кровати шляпную картонку, в которой хранила рисовальные принадлежности, и набор синтетических кистей. Чистого холста у меня не осталось, я разорвала пустую коробку, распластав ее по полу, и села рядом. Перестав прислушиваться к новостям, отвинтила крышки с тюбиков с красками «Гэмблин», всей грудью вдыхая острый запах, и по очереди выдавила разноцветные колбаски на меламиновую дощечку, которую использовала вместо палитры. Тюбики были почти пустыми, но это я и так знала. Краску я расходовала не жалея.

Не знаю почему, но, несмотря ни на что, я отказывалась понимать, насколько переломным станет этот день. Как с него начнется новый отсчет времени. Как все, что привело меня в Нью-Йорк, будет уничтожено. Я все еще думала о премии молодым художникам Фонда Эндрюс¹⁶. Если я выиграю – а я должна выиграть, должна обойти тебя, – люди увидят, на что я способна. Я попаду в газетные заголовки и получу представительство в галереях. Моя карьера взлетит. Мои мечты осуществляются, и ты для этого не понадобишься.

Мечта о награде, премии в десять тысяч долларов и личной выставке помогала мне держаться в бесконечные летние смены в кафе «Ля Соретт», принимая заказы, собирая грязную посуду и пряча скудные чаевые в карман фартука, чтобы оплатить аренду квартиры, краски и холсты. Все было нор-

¹⁶ Фонд Эндрюса (Andrews Foundation Young Artist Award) – ежегодная премия для поддержки молодых артистов и талантливых молодых людей.

мально. Я справлялась со счетами. Работала. Чтобы выжить. Я должна была выжить. А для этого – продолжать писать. Даже в этот день. Отыскать способ погрузиться в гипнотическое спокойствие, которое позволяло мне часами писать, не отвлекаясь на еду, питье и походы в туалет. Перестать думать – о башнях и городе, о тебе и Майло. О том, что мы натворили.

Дай мне такую возможность, – молила я, набирая на кисточку последние капли «индийского красного». – Позволь мне исчезнуть.

Через некоторое время из окна на кухне донесся грохот. Я замерла с кистью в руке, почти уткнувшись лицом в картонку и пятна черной и красной краски. Меня пронзил ужас: *Вот оно.* Это конец. Я бросила кисть и побежала к окну – очень вовремя, чтобы увидеть тройку военных самолетов, треугольником пронесшихся над крышами. Кроме них и птиц, в небе уже много часов никого не было.

Под окном, на Конгресс-стрит, собрались люди; запрокинув головы, они смотрели вверх, будто небеса вот-вот разверзнутся и оттуда хлынет нечто библейское вроде лягушек или саранчи. Кто-то помахал мне рукой. Я глупо кивнула в ответ. Присмотревшись получше, увидела, что это Лиззи, показывающая мне спускаться.

Я оставила дверь в квартиру приоткрытой, слегка выдвинув защелку на замке, чтобы он не захлопнулся. В случае

опасности мне совсем не хотелось рыскать по карманам в поисках ключей, чтобы попасть внутрь. Я пробежала четыре лестничных пролета вниз и впервые за этот день оказалась на улице. Ветер нес в сторону Бруклина дым и пепел, воздух наполнял запах смолы и резины, как в ремесленной мастерской в Хайсмите. Будто тысяча грузовиков одновременно резко затормозили и ушли в занос.

Я приблизилась к группе людей, очевидно живших по соседству – пустые, незнакомые лица, – и едва не столкнулась с Лиззи, стоявшей посреди улицы. Она обняла меня. Мокрая от пота рубашка, аромат, будто она с похмелья. Я отстранилась.

– Я пришла за вами, ребята, – воскликнула она. – Том разговаривает с родителями. Он тоже в пути. – Волосы грязные, будто она с утра не приняла душ. Лицо ненакрашенное, в носу золотая сережка-септум. – С тобой все в порядке?

Я кивнула.

– А с тобой?

– Вроде бы. Я пыталась звонить, но связи нет. Мы идем в «Счастье».

Я покосилась в сторону Корт-стрит. Казалось невероятным, что наш любимый бар по-прежнему на месте, подает пиво и лампочки в форме перцев продолжают гореть, а музыкальный автомат – работать.

– Уиллз наверху? – спросила Лиззи.

Ни один мускул не дернулся на моем лице, хотя перед гла-

зами вновь прокрутилась та пленка: Тайлер с ножом, заброшенный склад, рука, зажимающая твой рот. Я помотала головой. Было еще рано; всего три часа прошло с тех пор, как обрушилась вторая башня.

– Она уехала на работу, – сказала я как можно спокойнее. – Я пытаюсь дозвониться.

– Знаю, я тоже. Наверное, она идет пешком. Ты видела толпу на мосту? Люди все в пепле.

Прежде чем я успела ответить, перед нами возник Том, сообщив на ходу:

– Бумер тоже идет. Из Мидтауна.

Лиззи резко развернулась.

– Он звонил?

– Он был в офисе. Там телефоны еще работают. – Том замешкался. – Может, пойдём?

Я подняла глаза на окно нашей кухни и подумала о своих красках на полу, засыхающих в открытых тюбиках, о красном наброске на картоне, который толком не закончила.

– Я поднимусь, оставлю Уиллз записку, – сказала я. – Подождите минутку.

Я взбежала по ступенькам и подошла к своей картине. Ерунда – просто мазки красного, лишённые всякого смысла. Я смяла картон и затолкала в мусорное ведро, швырнула туда же пустые тюбики, накрыла крышкой шляпную коробку, поставила в раковину меламиновую дощечку. Нашла старую квитанцию и ручку в ящичке с мелочами и попыталась пи-

сать, но чернила пересохли. Я бросила ручку и поискала еще что-нибудь пишущее.

«*Встречаемся в „Счастье“*», – черкнула я, пририсовав к «С» сердечко, потому что хотела, чтобы все выглядело как обычно. Подложила записку под кофеварку, сдернула с крючка связку ключей, заперла дверь и убежала.

Даже среди белого дня в «Счастье» было темно. Мы сели за столик так, чтобы видеть телевизор, продолжавший сыпать фактами и предположениями. Лиззи напротив меня курила сигарету за сигаретой, Том вырезал на деревянном столе перочинным ножом 9-11-01. Мобильные телефоны лежали перед нами, звук был включен на полную.

Наконец, спустя несколько часов, бармен крикнул в нашу сторону:

– К телефону!

Он держал трубку над головой, и рукав футболки сполз, демонстрируя татуировки.

Том поднял голову.

– Кого?

Бармен потряс трубкой в воздухе.

– Любого из вас.

Ты, подумала я. Из полиции. Наконец-то. Я вскочила, опередив остальных.

– Я отвечу.

Но звонила не ты. Это был Майло.

– Я пытался дозвониться вам домой, – сказал он.

Я фыркнула.

– Дурак! Ты же сломал мой телефон. Откуда ты звонишь?

– Из автомата на Десятой. Дошел пешком. – Его голос сел. – Я проходил мимо. Там все полыхает. И вонь кошмарная. Как будто... как будто...

– Она и здесь тоже, – сказала я, но думала вовсе не о пожаре. Я думала о Десятой авеню. Челси, сердце арт-мира – место, где ты должна была находиться до шести вечера, когда галерея Рош закроется до завтра. Майло пошел к тебе. Это не должно было меня задеть, но вот задело.

– Она там?

– Нет, – ответил Майло. – Галерея закрыта. Все заперто. И ни души.

Я представила тебя в полицейском участке, пишущей заявление. Потом кое-что похуже: бандану Тайлера, спадающую с лица. Короткую борьбу. Разрез у тебя на блузке. Кровь на щеке. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. *Нет*, подумала я и отогнала эту картину. Такого не должно было произойти.

– Я не знаю, что делать, – сказал Майло, и мне показалось, он сейчас заплачет.

– Наверное, она пошла пешком. Это займет какое-то время. – Я заставляла себя говорить спокойно. Должна была. Лиззи смотрела на меня через бар, и, хотя она никак не могла слышать наш разговор, я понизила голос. – Ты идешь?

– Куда? – ответил Майло после короткой паузы.

Я прикрыла трубку ладонью и раздраженно шепнула:

– В «Аркадию». – Не хватало только напоминать! Таков был план. С самого начала. Майло встретится с Тайлером в баре в пять часов, и тот расскажет ему, как все прошло.

Майло с усилием выдохнул.

– Я об этом даже не думал.

– Нам надо знать, что там было. Прежде чем мы с ней встретимся. Ты должен поговорить с Тайлером.

Майло ничего не ответил.

– Ты должен пойти, – настаивала я. – Сейчас же. И после приходи сюда. Я буду ждать.

Он по-прежнему не отвечал, и меня охватила ярость.

– *Ладно, пока*, – рявкнула я и нажала отбой, прежде чем вернуть трубку бармену.

– Все хорошо? – спросил тот.

– Да-а, – протянула я. – Вроде бы. А у вас?

Он перебросил через плечо полотенце, которым протирал стойку.

– Насколько возможно.

Бармен выставил на стойку четыре стопки и разлил по ним самую дешевую ярко-желтую «Куэрво»¹⁷. Одну опрокинул в рот, вытер губы тыльной стороной ладони и показал мне забирать остальные.

Стоило мне приблизиться к столу, как Лиззи поинтересо-

¹⁷ Куэрво (Cuervo) – бренд-производитель текилы.

валась:

– Кто звонил?

– Майло. – Я проглотила свою текилу, поморщилась и запила пивом. – Двигается в нашу сторону, но тоже пешком.

Лиззи уставилась на меня, заинтригованная.

– Что? – спросила я ее.

– Вы еще общаетесь с ним?

Лиззи думала, что знает, что происходит между нами, но в действительности не знала ничего. Ты рассказала ей только свою часть истории. Свой взгляд.

Я зажала ладони под мышками.

– Он звонил *не мне*, Лиззи. Нам всем.

Она поцокала языком.

Я уже открыла рот, чтобы солгать или объясниться, но поняла, что это не имеет смысла. Лиззи, с ее трастовым фондом, постоянным парнем и матримониальными планами, никогда не понять, что происходит между мной, тобой и Майло.

Еще один поднос с шотами опустился на наш стол.

– Дамы?

Уф, подумала я. *Бумер*. Я заставила себя улыбнуться, раздуваясь от этого притворства, как воздушный шар на параде, грозящий вот-вот лопнуть. Правда была в том, что я терпеть не могла Бумера. Ненавидела с нашей незадавшейся ночи четыре года назад, еще в Болвине, когда мне отчаянно хотелось задержаться в узком кружке, который ты собрала

вокруг себя. Я до сих пор мучилась неловкостью всякий раз, встречаясь с ним. Но он был такой же частью компании, как я. Не было никаких гарантий, что, если тебе придется выбирать из нас двоих, выбор окажется в мою пользу.

Он рухнул на диван рядом со мной и накрыл пухлой ладонью мою руку. Я выдернула ее и отодвинулась. Он поднял вверх рюмку ледяного ликера. Лиззи подняла свою и положила сигарету на край пепельницы. Я взяла последнюю.

«Лимончелло», сладкий и освежающий, как в старые добрые времена.

– Где Уиллз и Майло?

Меня покорило от того, как Бумер это произнес – *Уиллз и Майло*, – будто они по-прежнему были парой. Том скользнул обратно за стол и обнял Лиззи за плечи. Его пальцы повисли в воздухе, длинные и бледные, с рыжеватыми волосками и островками шелушащейся розовой кожи, с парой дешевых серебряных перстней, купленных на площади Сан-Марко. Я подумала о Майло – как он сбежал от меня, чтобы искать тебя. Подумала о своей семье в далеком Огайо. Мне почти захотелось, чтобы Бумер снова накрыл мою руку своей.

– Майло идет к нам, – сказала Лиззи.

– А Уиллз? – спросил Бумер.

– Пока тишина.

Я встретилась с Лиззи глазами и заметила в них странный проблеск. Может быть, страха. А может, и осуждения.

– Она вернется, – твердо сказала я. Ты пропадала и рань-

ше, причем надолго. В этот раз у тебя хотя бы было оправдание.

Глава 4. Четыре года назад

Анна разместила свой проект на пробковой доске в студии и села за тот же стол, что неделей раньше. Ночной Северный сквер, внезапная фотосессия и вспышки камеры Уиллоу пробудили дремавшее вдохновение. Она вспомнила о фильме «Семь» с Брэдом Питтом, где убийцей оказался судебный фотограф, и проект родился сам собой. Анна сделала из картона подобие ящика с крышкой сверху и положила в него вырезанные из «Ю. С. Уикли» головы актрис.

Технически проект не был двухмерным, но ей хотелось проявить изобретательность: Анна привыкла писать красивые картины, а не делать коллажи. Привыкла не нарушать правила. Похоже, риск окупился. Одногоруппники, подходя к доске, открывали коробку и смеялись. Они понимали, что она сделала, и им это нравилось. Иными словами, нравилась она.

Уиллоу вошла, держа в руках пластиковый стаканчик и простой коричневый бумажный конверт и даже не посмотрела на Анну, уже готовившуюся улыбнуться. Прямиком направившись к доске, она вытащила из конверта цветную фотографию 10×15. Обычный снимок из выпускного альбома – сама Уиллоу, как, вздрогнув, поняла Анна. Опрятная чи-

стенная девушка с широкой улыбкой, ясными глазами и блестящими, как у чирлидерши, волосами. Анна растерялась, затем расстроилась. Уиллоу никак не изменила фото. Она *ничего* не сделала.

Вошел профессор Кейп, и в кабинете стало тихо. Он встал у доски, разглядывая проекты, указал на фотографию Уиллоу и развернулся.

– Дайте-ка угадаю, – произнес он, улыбаясь. – Гордыня.

Уиллоу улыбнулась в ответ. Ее голову украшал желто-голубой шелковый шарф, повязанный как косынка. Наполовину девушка с фотографии, наполовину та, с кем Анна познакомилась на прошлой неделе.

– Угу, – ответила она.

– А где второй?

– Разве не ясно? – спросила Уиллоу. – Я ничего не сделала.

– А! – Кейп обхватил подбородок и улыбнулся. – *Лень*.

Класс взорвался хохотом. Когда до Анны дошло, она тоже заставила себя усмехнуться, но в глубине души разозлилась. Уиллоу превратила задание в шутку, Анна же не видела в искусстве ничего смешного.

– Реди-мейд¹⁸, – одобрительно заметил Кейп. – Полагаю,

¹⁸ Ready-made (реди-мейд) – художественный прием в искусстве: автор перемещает готовый проект в новые условия и переводит его в ранг произведения искусства.

вы все знакомы с Дюшаном?¹⁹

По студии, сжимаясь вокруг Анны, пробежала волна кивков и одобрительного шепота, Анна же вся внутренне сжалась. Она слышала о Марселе Дюшане, но знала о нем совсем немного. Она была самоучкой, иными словами – отставала. Всегда.

– *Elle a chaud au cul*²⁰, – по-французски добавила Уиллоу.

Кейп рассмеялся. Но только он. Другие студенты растерянно озирались, сбитые с толку не меньше Анны.

Кто-то с заднего ряда поинтересовался:

– Пардон, это у кого горячая задница?

Кейп, по-прежнему улыбаясь, покачал головой.

– Это аббревиатура. *L.H.O.O.Q.* На французском читается «*elle a chaud au cul*». Так Дюшан назвал свою «*Мону Лизу*». Советую полюбопытствовать. – Он подошел к столу Уиллоу и постучал по нему костяшками пальцев. – Очень хорошо. Умно.

Анна записала буквы у себя в блокноте – *L.H.O.O.Q.*, – чтобы потом посмотреть в словаре.

– Теперь маленькая коробочка, – сказал Кейп. – Это чье?

Анна в радостном предвкушении подняла руку.

¹⁹ Анри Робер Марсель Дюшан – французский и американский художник, шахматист, стоял у истоков дадаизма и сюрреализма.

²⁰ Работа Марселя Дюшана «*L.H.O.O.Q.*», репродукция известной «*Моны Лизы*», к которой он добавил усы. Аббревиатура «*L.H.O.O.Q.*», произнесенная быстро, по-французски звучит как «*Elle á chaud au cul*» («у нее горячая задница» или «девушка сильно возбуждена»).

– Не совсем двухмерная, не правда ли?

Вспыхнув, она покачала головой.

– На первый раз, так и быть, приму. – Кейп развернулся к классу. – Кто желает высказаться?

– Головы в коробке, – сказала девушка с кудряшками с того же этажа общежития, что и Анна. У нее было мальчишеское имя, но Анна его забыла. – Как в том фильме.

Кейп кивнул.

– Хорошо, что еще?

Студия затихла. Анна чувствовала, как другие переглядываются. Она покосилась на Уиллоу – та беззаботно что-то черкала в своем блокноте.

Кейп указал на коробку.

– Кто угадает, какие грехи достались автору?

– Зависть! – выпалил парень с первого ряда.

Профессор опустил руку.

– Почему?

Тишина. Потом:

– Персонаж Кевина Спейси. – Снова та девушка с ее этажа. *Райан*. Ее звали Райан.

– Именно, – сказал профессор Кейп. – Прямая отсылка. Достаточно творчески – но вторично. Да и образ банальный.

Анна втянула воздух сквозь сжатые зубы, подавляя желание вскочить и бежать со всех ног. Единственное, чего ей хотелось, – быть художником. Чтобы все говорили: *Да, ты особенная, ты талантливая, мы это видим, и нам не все*

равно, что с тобой станет. У нее было только искусство, ничего больше. Только на него она могла рассчитывать. Она уже спланировала свою дальнейшую жизнь, и этот класс должен был стать для нее трамплином: рекомендация Кейпа, бакалавриат в Болвине, магистратура в Йеле, выставки в галереях и, наконец, собственное место в МоМА. Навсегда. Но ей не удался даже этот первый шаг, весь план рушился у нее на глазах. Анна застыла как парализованная, почувствовав, как подступают слезы.

– Вы ошибаетесь, профессор.

Уиллоу. Все головы в кабинете повернулись к ней. Кейп задрал брови, изумленно наморщив лоб.

– Правда?

– Это самобытно, – заявила Уиллоу, крутя карандаш. – И отнюдь не банально. Художник привлекает внимание к женоненавистничеству и насилию в Голливуде. Она бросает Голливуду вызов, используя его же образы.

Анна разинула рот. Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из ее ровесников так говорил. Остальные сидели молча; единственным звуком был шелест гигантских металлических вентиляторов. Кейп снова повернулся к доске и постучал пальцем по подбородку.

Анна сглотнула, слушая, как грохот ее сердца отмеряет секунды.

Наконец профессор рассмеялся.

– Знаете, мисс Уитмен, возможно, вы и правы.

Анна глянула на Уиллоу. Та как ни в чем не бывало отпила кофе, поставила стаканчик на стол, склонила голову и незаметно ей подмигнула.

В конце занятия профессор Кейп огласил следующее домашнее задание.

– У вас неделя на то, чтобы сделать что угодно. Но только двухмерное. – Он посмотрел прямо на Анну и улыбнулся. – Вы не возражаете, мисс Голливуд?

Анна снова вспыхнула и кивнула. В груди все трепетало, и, хотя ее поддразнили, внимание Кейпа было ей приятно.

Один из парней сзади переспросил:

– Что угодно?

– Абсолютно, – подтвердил Кейп. – Если у этого будет длина и ширина, но не будет высоты, и оно будет соответствовать по крайней мере одному критерию из тех, что мы обсуждали в прошлый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.